

Научная статья
УДК 82-94
doi: 10.17223/15617793/477/2

«Из этой власти мы никогда не выйдем»: литературоцентризм «Воспоминаний» Г.Н. Потанина

Александр Юрьевич Горбенко^{1, 2}

¹ Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия

² Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия
^{1, 2} al_gorbenko@mail.ru

Аннотация. «Воспоминания» лидера сибирского областничества Г.Н. Потанина рассматриваются в качестве текста, доминантой которого является литературоцентричность. В процессе описания собственной жизни Потанин постоянно ориентировался на различные литературные тексты (Ч. Диккенса, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и др.) и – шире – сам феномен фикциональной литературы. Выявляются и описываются различные модусы литературоцентризма, взаимодействовавшие друг с другом в потанинских мемуарах.

Ключевые слова: Г.Н. Потанин, областничество, эго-документ, литературоцентризм, ролевая модель, житнетворчество

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Для цитирования: Горбенко А.Ю. «Из этой власти мы никогда не выйдем»: литературоцентризм «Воспоминаний» Г.Н. Потанина // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 21–28 doi: 10.17223/15617793/477/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/2

“We will never get out of this power”: The literary centrism of *Vospominaniya* by Grigory Potanin

Aleksandr Yu. Gorbenko^{1, 2}

¹ Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russian Federation

² Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation
^{1, 2} al_gorbenko@mail.ru

Abstract. The article discusses the specificity of the literary centrism of *Vospominaniya* [Memories] by Grigory Potanin, which became the final book of the leader of Siberian regionalism. The subject of the study determined the composition of the material taken. In addition to *Vospominaniya*, the analysis involves *Krymskie Pis'ma Sibiryaka* [The Crimean Letters of a Siberian], the brochure *Vozrozhdenie Rossii i Ministerstvo Narodnogo Prosveshcheniya* [The Revival of Russia and the Ministry of Public Education], Potanin's anniversary speech in 1915, as well as letters from the “senior” regionalist (first of all, letters to his second wife, the poetess M.G. Vasilyeva). The author refers to the methodology of research in the field of life-creation (Sh. Shahadat, A.L. Zorin), works on the literary centrism of Russian culture (Yu.M. Lotman, M. Berg, A.I. Zhuravleva), milestone research in Siberian studies (B.A. Chmykhalo, K.V. Anisimov, A.V. Remnev). The aim of the article is to consider the modes of literary centrism of *Vospominaniya* in the context of the literary centrism of Potanin's worldview and the views of “senior” regionalists on the relationship between literature and extra-literary reality. Though *Vospominaniya* belongs to non-fictional literature, its text is dominated by literary centrism. The key modes of literary centrism of the book are revealed. Their correlation with other manifestations of the literary centrism of Potanin's worldview is traced. The analysis led to the following conclusions. In his memoirs, Potanin intended to represent the events of his own life through the prism of literature as a reservoir of plot and behavioral models and psychological proto-narratives. Life in the cadet corps is portrayed as a place of spontaneous life-creation experience, the source of which was Nikolai Gogol's prose (first of all, *Taras Bulba*). The departure to St. Petersburg University is described with the help of an ironic auto-projection onto the mythologized biography of Mikhail Lomonosov. The episode of the meeting with Dostoevsky in Semipalatinsk is created according to the patterns of a scene from *Mertvye Dushi* [Dead Souls]. While developing “purely Siberian topics” in his *Vospominaniya*, Potanin actively turned to the resources of all-Russian literature, using its most significant achievements, which conflicted with the regional program of the 1860s–1870s and was more difficult to correlate

with Potanin's views of the 1900s–1910s. Fictional literature did not occupy a dominant place in Potanin's legacy (and in that of "senior" regionalists in general), either structurally or in purely quantitative terms. At the same time, Potanin's most varied works had an almost invariable literature-centric focus, the apotheosis of which was *Vospominaniya*.

Keywords: Grigory Potanin, regionalism, ego-document, literature centrism, role model, life-creation

Financing: The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences "Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language" supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract no. 075-15-2019-1884.

For citation: Gorbenko, A.Yu. (2022) "We will never get out of this power": The literary centrism of *Memories* by Grigory Potanin. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 21–28. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/2

Тезис о литературоцентричности русской культуры привычен, и, казалось бы, не требует специального обоснования или, напротив, опровержения. М. Берг считает, что «[л]итературоцентристские тенденции в русской культуре появились с момента возникновения в России института светской письменности <...>» [1. С. 183]¹. В самом деле, в отечественном социально-культурном поле Нового времени литература и как феномен, и как институт занимает уникальное по своей значимости место, доминируя над другими, менее развитыми социально-культурными практиками и институтами. По словам А.И. Журавлевой, «такое положение объясняется не только небывалым взлетом литературы как эстетического феномена, но и особенностями нашей истории. Когда общество было практически отстранено от участия в политике, умственная жизнь нации (во всяком случае ее гуманитарные аспекты) сосредоточилась главным образом в литературе, а начиная с определенного периода и в литературной критике». В результате именно «литература быстро стала одним из важнейших факторов, позволявших ориентироваться в реальности» [3. С. 253].

Кроме этого базового значения, мы будем понимать литературоцентризм как 1) интертекстуальную насыщенность текста; 2) установку на осмысление и репрезентацию жизни сквозь призму литературных сюжетов, т.е. важнейшее (по крайней мере, для русской культуры) слагаемое житнетворчества, условие, необходимое для возникновения житнетворческой практики, поскольку именно литература на протяжении XIX столетия была главным поставщиком моделей поведения и «эмоциональных матриц» человека² (ср.: [5, 6]). Разумеется, оба эти модуса литературоцентризма тесно (иногда – до неразличимости) связаны между собой в произведениях, которые так или иначе втянуты в орбиту житнетворческих практик.

Мы будем рассматривать мемуары лидера сибирского областничества Г.Н. Потанина (1835–1920), которые он создавал в 1900–1910-е гг. в Томске (где поселился в 1902 г. и прожил до самой смерти) с помощью местной учительницы географии Н.П. Карповой³, с точки зрения их литературоцентристской доминанты.

Прежде чем обратиться к «Воспоминаниям», отметим, что круг примеров литературоцентричности мировоззрения Потанина отнюдь не ограничивается этой книгой, охватывая и другие его нефикциональные тек-

сты. Приведем несколько разноплановых примеров (число которых, безусловно, может быть существенно умножено). В «Крымских письмах сибиряка» (1876) Потанин, описывая избыток комфорта, которым он был окружен в ялтинской гостинице «Россия», признается, что «чувствовал себя, как "мещанин во дворянстве"» [9. Т. 7. С. 190]. Другой пример – небольшой травелог под названием «Из записной книжки сибиряка», четвертая часть которого («Омск») носит подзаголовок «Город Акакиев Акакиевичей» (см.: [9. Т. 7. С. 216–219]). Многократно упомянув в этом разделе своего сочинения героя гоголевской «Шинели», Потанин, в частности, пишет: «Мне всегда Омск казался, а теперь еще больше кажется похожим на старую шинель Акакия Акакиевича с грязной ватой, вылазющей из прорех, с обтрепанным подолом, с плешинами на воротнике и с тем равновесием смерти и жизни, которое обнаруживается в периодическом появлении заплат и мест, где старая ткань начинает вновь мучительно расползаться в стороны» [9. Т. 7. С. 217].

Эксплуатация интертекстуальных связей с фикциональной словесностью и (или) литературных клише могла касаться и программных теоретических работ Потанина. Так, в брошюре «Возрождение России и Министерство народного просвещения», которую, по словам К.В. Анисимова, можно «рассматривать <...> как вершину творчества Потанина пореволюционных лет» [10. С. 301], он рассуждает о соотношении интернационалистского и областнического «политических направлений». Говоря о человеке, с детских лет увезенном из родных мест, Потанин использует реминисценцию из лермонтовского стихотворения «Тучи»: «Приходится оторвать его от любимых улиц, от любимых полей и лесов и поставить в совершенно новую обстановку, перенести от милого севера в сторону южную» [10. С. 302].

Потанин активно прибегал к ресурсам фикциональной литературы и в своем чрезвычайно обширном эпистолярии, прежде всего – в письмах к М.Г. Васильевой, сибирской поэтессе, впоследствии ставшей его второй женой. В этом корпусе писем он опирался на широкий круг литературных претекстов – от А.С. Пушкина⁴, А.А. Фета⁵ и А.П. Чехова⁶ до П.Б. Шелли⁷ и Г. Гейне⁸.

Наконец, отметим, что референты потанинских аллюзий чаще всего находились в области литературы, но сфера претекстов его сочинений включала в

себя и другие искусства. Например, в уже цитировавшихся «Крымских письмах сибиряка», содержащих такое описание поездки в горы с компанией спутников, читаем: «У каждого сзади была сумка из грубой шерстяной материи с теплым платьем, бельем и булками; по всей вероятности, мы напоминали в это время фигуры вувермановских картин» [9. Т. 7. С. 193]. Другой подобный пример обнаруживается в третьей части «Воспоминаний»: «Мне также в эти моменты Алтай напоминал картину Иванова “Мария Магдалина”, на лице которой, как мне говорили художники, в одно и то же время в глазах блещут слезы, а на устах играет улыбка» [9. Т. 6. С. 71].

Переходя к «Воспоминаниям», сразу подчеркнем, что в этой книге Потанина отчетливо выделяются два модуса литературоцентричности. Первый из них состоит в интертекстуальной насыщенности текста, однако доминирует, как мы постараемся показать, другой модус. Дело не столько о том, что потанинские мемуары изобилуют отсылками к разнообразным литературным произведениям, сколько в том, что в них реализовалась авторская установка на репрезентацию событий собственной жизни и участвовавших в них людей сквозь призму литературы как резервуара сюжетных и поведенческих моделей и «психологических протонарративов», т.е., по словам А.Л. Зорина, «эмоциональной матриц[ы]» (курсив автора. – А.Г.), задающей нормы переживания» [12. С. 14].

Так, рассказывая о своих планах отправиться в Петербургский университет, Потанин сравнивает себя с Ломоносовым, чья мифологизированная биография стала парадигмальной для русской культуры ролевой моделью: «Мои надежды найти средства на поездку рушились. Я начал, наконец, подумывать, нельзя ли мне совершить путь до Петербурга пешком, как Ломоносов» [9. Т. 6. С. 103].

Вслед за этим мемуарист говорит о трудностях, связанных с принятием этого решения и носящих по преимуществу стилистический характер: «Почему-то сразу я не мог решиться на это; казалось очень трудным переменить платье; нельзя же было пуститься в этот путь, примкнув к обозу и вступить в компанию с ямщиками, – в городском пиджаке и городских сапогах. Я думал, что надо купить зипун и бродни, но это переодевание походило на комедию. Боялся, как бы людей не насмешить» [9. Т. 6. С. 103]. Это осознание риска невольно переключиться в комический регистр, сопровождающийся обязательным переодеванием, подчеркивает литературоцентричную оптику мемуариста: Потанин выдвигает на первый план не биографическую прагматику, а эстетическое измерение поступка, жеста и позы.

Одновременно с этим Потанин помещает рассказ о своем пути в Петербург в еще одну литературную перспективу, сопоставляя его с первым походом в театр персонажа рассказа, опубликованного в журнале, издававшемся Диккенсом. В этом рассказе «маленький мальчуган в первый раз отправляется в театр, с трепетом ждет минуты, когда выедет из дома. А вдруг какое-нибудь несчастье? У мамы разорвется юбка, и придется отложить удовольствие на неопределенное время. Так и я все время от Томска до выез-

да из ворот заводского двора был не уверен, доеду ли я до Петербурга. Но, как только наш возок выкатился на улицу, я почему-то почувствовал, что теперь уж нет никаких препятствий, никто и ничто не помешает моей заветной мечте осуществиться. Какой контраст! В моей груди сердце стучало от радости, а сзади еще меня провожали крики несчастного со шпирсутенами» [9. Т. 6. С. 105]⁹.

Ч. Диккенс в интересующей нас перспективе появляется и на других страницах потанинских мемуаров, в частности, при описании впервые увиденного повествователем Томска: «Здесь большая улица, большие дома в несколько этажей, тротуары, которых я еще никогда не видел, ворота под домом, о которых я читал только в романах, – все это вместе и, наконец, нищие, окружившие нас, показалось картинкой из романа Диккенса» [9. Т. 6. С. 99].

Потанин специально подчеркивал важность прозы Диккенса для собственного читательского опыта и – шире – для становления людей своего круга: «Я с особенным увлечением читал Диккенса вместе с моим другом Александром Дмитриевичем Лаптевым. В то же самое время увлекался Диккенсом и другой мой друг Чокан Валиханов. Мы все трое воспитывались на этом писателе и унесли уважение и благодарность к нему далеко за стены учебного заведения» [9. Т. 6. С. 50]. Более того, влияние Диккенса распространялось не только на читательскую практику будущего областника, но и на его литературные опыты – вспоминая о своих ранних рассказах, Потанин пишет: «<...> кажется, в обоих <...> я старался подражать Диккенсу» [9. Т. 6. С. 56]¹⁰.

Позднее, описывая омский период своей жизни, мемуарист изображал гостиную Катерины Ивановны Капустиной (родной сестры Д.И. Менделеева), в которой «собиралось интересное, образованное и либеральное общество» Омска: «Здесь читали и поклонялись Чарльзу Диккенсу <...>» [9. Т. 6. С. 82]¹¹.

Такое влияние Диккенса на сибирских читателей неудивительно, поскольку книги английского прозаика были вообще широко распространены среди читающей отечественной публики середины и второй половины XIX в. Они имелись во всех каталогах библиотек для чтения за 1879–1881 гг.¹², а по количеству упоминаний его имени в рецензиях, печатавшихся в русских «толстых журналах» за период 1880–1881 гг. (7), Диккенс обогнал Салтыкова-Щедрина (6), а также Некрасова, А.Н. Островского и А.С. Пушкина (все – по 5)¹³. Говоря о литературных вкусах своей покойной супруги А.В. Лаврской-Потаниной, Потанин отмечает, что одним из ее любимых романистов был Диккенс [9. Т. 7. С. 75].

Однако главным резервуаром, из которого Потанин черпал ресурсы при формировании своей литературоцентрически-жизнетворческой оптики, стали все же не произведения Диккенса, а проза Н.В. Гоголя. Чтение гоголевских произведений будущий областник впервые услышал в детстве, но «содержание этих произведений не задержалось в моей памяти: как будто какая-то губка тотчас смысла с моей памяти отдельные фразы, которые на нее ложились <...>» [9. Т. 6. С. 32].

При этом в памяти Потанина «хорошо сохранились картинки, созданные живым детским воображением под влиянием чтения. Детская голова выпустила из памяти все диалоги, произнесенные Хлестаковым в то время, как он сидел в трактире без денег и голодный, но зато моя детская фантазия живо создала обстановку, в которой находился Хлестаков. Она оклеила комнату желтыми обоями, разукрасила их до мельчайших подробностей, вероятно, позаимствовав материал из ситцев и др. материй, виденных раньше. Все это, — резюмирует Потанин, — и подлинные строки Гоголя, и комната, созданная моим воображением, улетучилось из моей памяти, но впоследствии, когда сочинения Гоголя попали в мои руки, тщательно забытое вдруг живо проснулось в моей памяти.

Дошедши до одного места, я вдруг подумал: “Да это знакомая комната! Я уже в ней был. Это те самые желтенькие обои, те самые цветочки, которые я видел в детстве!” Воскресли в памяти не речи Хлестакова и Осипа, а только то, что было создано моим собственным творчеством» [9. Т. 6. С. 32].

Итак, образный репертуар, созданный воображением Потанина (который вступает в отношения творчества с Гоголем: «Воскресли в памяти не речи Хлестакова и Осипа, а только то, что было создано моим собственным творчеством») под влиянием переживания гоголевских произведений, стал «кодирующим устройством» (Ю.М. Лотман) по отношению к окружающей будущего областника действительности.

В начале пятой части «Воспоминаний» Потанин использует серию метафор, которые, в сущности, обосновывают его литературоцентрическую оптику (показательно, что одна них при этом сама является оптической). Закономерно, что делает он это с помощью отсылок к героям Гоголя и Чехова: «Ноздрев, унтер Пришибеев и другие герои Гоголя и Чехова — это те же выветрившиеся стекла, отливающие цветами радуги, те же истерзанные соломенные шляпы и стоптанные каблуки. А если бы их не было, как бы наша жизнь побледнела и потеряла свои краски» [9. Т. 6. С. 126]. Выше Потанин упоминает картину немецкого художника А. Ахенбаха, который содержит, в частности, описание окна изображенного на картине дома, замеченных художником П.П. Дюжиным, с которым Потанин посещал выставку: «Мой спутник Дюжин <...> указал мне на огромное окно в чердаке, в котором он усмотрел умысел художника изобразить выветрившиеся стекла, отливающие радужными цветами перламутра. Я тоже всмотрелся в это окно, но никакой иллюзии не почувствовал. Мне показалось, что художник сделал неудачную попытку, и я бы ее не заметил, если бы мне не указал мой опытный спутник. Тем не менее это открытие Дюжина усилило во мне впечатление картины; от нее еще более повеяло горячей сыростью» [9. Т. 6. С. 125]¹⁴.

Повествуя во второй главе мемуаров о годах своего пребывания в сибирском кадетском корпусе (речь идет о второй половине 1840-х гг.), Потанин вспоминает об эпизоде, который можно счесть важным юношеским стихийным житетворческим опытом. «На казаков сильное действие произвел повесть “Та-

рас Бульба”»; мы увидели нечто общее между нами и героями Гоголя и почувствовали себя сродни тем республиканцам, которые избирали Кирдягу кошевым атаманом. Мы до того увлеклись повестью Гоголя, что распределили имена героев между собою; среди нас появились: Тарас Бульба, Остап, Андрий» [9. Т. 6. С. 42–43].

Дальнейший рассказ убеждает читателя в том, что персонажи «Тараса Бульбы» стали не просто источниками кадетских прозвищ, превратились в ролевые житнетворительные модели, что свидетельствует о гораздо более решительном и семиотически насыщенном пересечении границы между искусством и жизнью.

В этой же главе Потанин вспоминает об обособленности ротных и эскадронных кадет. Одни жили в бельэтаже («это была Европа»), другие («Азия») — на нижнем этаже [9. Т. 6. С. 42]. Эта обособленность сказалась и в кадетских играх, причем изначальное разделение (которое, по предположению Потанина, «было сделано с намерением сохранить дворянскую чистоту в детях дворян») наложилось на популярную в корпусе «игру в войну русских с киргизами» [9. Т. 6. С. 43]. В результате оппозиция кадетов, продиктованная уже пространственной семиотикой корпуса, была усилена наложением на нее этнической дихотомии, усвоенной при распределении ролей. «[Р]оль киргиз, конечно, выполняли казаки, а ротные изображали русских» [9. Т. 6. С. 43]. Это двойное напряжение отчасти было снято кадетами с помощью рецепции «Тараса Бульбы»: «Все или многое в наших отношениях к бельэтажу убеждало нас, что мы низшая раса, но повесть Гоголя и романтическая история Малороссии поднимали нас в наших глазах, так как герои Малороссии были тоже казаки, и между ними и нами было что-то общее» [9. Т. 6. С. 43].

Среди обитавших на низшем этаже «азиатов» нашелся «зачитыва[вший]ся Гоголем» [9. Т. 6. С. 43] кадет Бедрин, который организовал регулярные кражи провизии со склада. Когда преступление вскрылось, Бедрин с товарищами был высечен и во время порки, которую эскадрон выдерживал молча в одной из отдаленных камер. Во время экзекуции неслышимый кадет Бедрин внезапно высунул в открытую дверь голову и выкрикнул слова гоголевского Остапа: «Слышишь ли, батьку?» [9. Т. 6. С. 44]¹⁵.

Перейдем от этого примера тематизации литературоцентризма и стихийного житетворческого опыта как его следствия в «Воспоминаниях» Потанина к «гоголевскому» примеру иного рода. Один из эпизодов потанинских мемуаров рассказывает о мимолетной встрече автора с Ф.М. Достоевским: «В Семипалатинске я встретился с Достоевским, но только на одну минуту; я входил в двери, а он выходил. Я остановился по одну сторону дверей, чтобы дать ему дорогу, он, оставаясь по другую сторону, предлагал мне первому перешагнуть порог. Произошло препирательство. Наконец он, улыбаясь, сказал: “Десять тысяч китайских церемоний!” Вот и все, что я от него услышал» [9. Т. 6. С. 63]. Эта сцена имеет отчетливый литературный генезис, восходя к сцене из второй главы «Мертвых душ», в которой Чичиков и Манилов «стояли <...> несколько минут перед дверями гости-

ной, взаимно упрасывая друг друга пройти вперед» [17. Т. 5. С. 25]. Помимо очевидного мизансценического сходства, такая интерпретация поддерживается и значимыми деталями. Так, Потанин вкладывает в уста Достоевского реплику «Десять тысяч китайских церемоний!», а в третьей главе «Мертвых душ» рассказчик говорит, что с Коробочкой «Чичиков, не смотря на ласковый вид, говорил, однако же, с большою свободою, нежели с Маниловым, и вовсе не церемонился» [17. Т. 5. С. 47], из чего следует, что, беседуя с Маниловым, Чичиков «церемонился».

Принимая во внимание идеологическую программу «старших» областников с ее установкой на формирование местного самосознания и выстраивания провинциальной культуры как самостоятельной альтернативы культуре столичной, можно было бы предположить, что Потанин в своих мемуарах будет апеллировать в первую очередь к произведениям сибирской словесности, видя своим идеальным читателем чаемого им сибирского интеллектуала¹⁶.

Однако это предположение не подтверждается. Круг прецедентных текстов потанинских «Воспоминаний» сформирован по преимуществу русской и – шире – европейской литературой. Иными словами, Потанин полноценно задействовал существующие литературные ресурсы и предназначал свои мемуары не только для читателя-сибиряка, но для образованного русского читателя вообще, который по определению лучше знаком с книгами Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина или У. Теккерея, нежели с сочинениями И.Т. Калашникова, И.В. Федорова-Омулевского или Н.И. Наумова¹⁷.

Стоит оговориться, что в «Воспоминаниях» Потанина, безусловно, есть и аллюзии на сибирскую словесность. Приведем два выразительных примера. Рассуждая о Ядринцеве, на здоровье которого, по мнению Потанина, пагубное влияние оказала попытка поправить дела газеты «Восточное обозрение», мемуарист предлагает читателю аллюзию на название романа И.А. Кушечского «Николай Негорев, или Благополучный россиянин»: «Тому, кто пожелает прожить свой век благополучным россиянином, следует посоветовать не браться за издание провинциальной газеты с серьезным направлением. Такое издание начнет медленно чахнуть, вгонит в чахотку редактора и под конец увлечет за собой в могилу, как это и случилось с Ядринцевым» [9. Т. 7. С. 71–72]. В другом месте Потанин, осужденный в 1865 г. вместе с Ядринцевым по знаменитому «Делу об отделении Сибири от России и образовании республики по образцу Соединенным Штатам», описывает тюремный быт, сравнивая арестантов с персонажами В.Я. Шишкова: «Когда наступит вечер, когда население тюрьмы поужинает и ключники запрут камеры на ночь, спать еще не хочется, и мы коротаем вечер в разговорах: правильнее сказать, разговор, часто переходящий в спор, вели «фильмикульетный человек» и сибирский крестьянин, а мы с Колосовым изображали аудиторию. С первого же вечера эти споры, иногда очень пикантные, меня в высшей степени заинтересовали. Эти два лица являлись представителями двух миров, отно-

сившихся друг к другу критически и даже враждебно. Передо мной как бы стояли два героя из повести Шишкова «Ванька-Хлюст»: один сбившийся с жизненной дороги и потерявший веру в смысл жизни, другой – член деревенского мира; прочная общественная организация дисциплинировала его ум; он исповедует культ сельской общины; дух его в совершенном равновесии» [9. Т. 6. С. 217].

Тот факт, что Потанин задействовал в тексте своих мемуаров наиболее весомые достижения русской литературы, вступал в противоречия с областнической программой, сформированной Потаниным и Ядринцевым в 1860–1870-е гг., а со взглядами Потанина 1900–1910-х гг. одновременно и коррелировал и диссонировал¹⁸. С одной стороны, Потанин и в начале XX в. продолжал настаивать на разработке сибирскими литераторами «чисто сибирских тем» и «защи[щая]» эту «разработк[у] от “пришлых”» [18. С. 170]. Вместе с тем в создающихся в это же время мемуарах он разрабатывал «чисто сибирские темы», активно обращаясь к ресурсам «общерусской» литературы.

С другой стороны, в речи на своем юбилее, произнесенной в 1915 г. и тогда же опубликованной в журнале «Сибирский студент», Потанин как бы «сглаживал» конфликтные для областников отношения литературы метрополии Российской империи и складывающейся словесности ее восточной окраины. В этой речи он активно использовал областническую топику, рассуждая, в частности, о сосредоточенности «жизни духовной» в столицах и «сонности» провинции, которая «лежит как неподвижное тело, как бы парализованное какими-то ядовитыми уколами» [9. Т. 7. С. 257]. Потанин говорит о местном патриотизме и «расчленении» территории «на отдельные области», традиционно для «старших областников» настаивая на различении местного патриотизма и сепаратизма и утверждая, что «расчленение еще не есть распадение» [9. Т. 7. С. 257]. Потанин, к тому моменту давно исповедовавший регионалистские и федералистские взгляды [22. С. 111], говорил в юбилейной речи: «Процесс расчленения пугает робких публицистов, они думают, что тут и конец России. Этот страх напрасный <...>, есть могущественная сила, которая всегда области русской территории будет удерживать в связи и единении...» [9. Т. 7. С. 257]. Такой силой, по мнению Потанина, воспроизводящего здесь логику европейского романтического национализма, оказывается «русская литература и тот духовный багаж, который создан творческим духом русской народности... Из этой власти мы никогда не выйдем. Мы всегда будем чувствовать на себе власть этой силы» [9. Т. 7. С. 257].

Характерно, что третьей частью фундамента национальной консолидации, по мнению Потанина, оказывается, наряду с «русской литературой и духовны[м] багаж[ом], <...> создан[ным] творческим духом русской народности», русская публицистика, чей «всегда смелый, честный, искренний голос <...> заставит нас всех почувствовать, что мы один народ» [9. Т. 7. С. 258].

К.В. Анисимов пишет о «недостаточн[ом] “литературоцентризм[е]” наследия областников, прису-

ще[м] ему порой смешени[и] политики и эстетики, художественных и публицистических жанров, несомненно повлиявшие[м] на неудачу важнейшего литературного эксперимента Потанина и Ядринцева – романа “Тайжане”» [19. С. 175]. В другом месте исследователь говорит о «недостатке литературоцентризма» Потанина и Ядринцева в связи с тем, что «представители областнической традиции» «не оставили» «целостной художественной или литературно-критической программы» [19. С. 207]. Кроме того, отношение к литературе Потанина и вообще «старших» областников со временем менялось. Как показал Б.А. Чмыхало, взгляды Потанина на литературу менялись от характеристики изящной словесности как к «бесплодному труду», «груде потраченной бумаги» и «усыпляющему средству» (оценки Потанина из письма к Н.В. Щукину от января 1862 г.) до взгляда на литературу как на «действенную форму сибирского самосознания, способную организовать “патриотов”, прежде всего местную интеллигенцию» [18. С. 144, 147]. Н.В. Серебренников добавляет к этой картине (обходясь, впрочем, без ссылок на работу Б.А. Чмыхало) еще один фрагмент, справедливо напомнив, что в «Воспоминаниях» Потанин свидетельствовал о своих мечтах «сделаться сибирским романистом» [9. Т. 7. С. 186], пришедшихся на время учебы в Сибирском кадетском корпусе [23. С. 90] (что, разумеется, автоматически исключало возможность презрительного отношения к беллетристике, продемонстрированного Потаниным в начале 1860-х гг.).

Трудно не согласиться с тем, что в областническом наследии (в частности, в корпусе текстов Потанина) фикциональная словесность не занимала доминирующего места ни в структурном, ни в чисто количественном отношении, а также с тем, что Потанин и Ядринцев не сумели сформулировать исчерпывающей «литературно-критической программы». Вместе с тем

перед нами несколько парадоксальная ситуация: регулярно и систематически смешивая политику и эстетику, фикциональное письмо и публицистический дискурс, Потанин почти неизменно удерживает литературоцентрический фокус, некоторые эффекты которого мы постарались описать. 13 мая 1902 г. Потанин писал М.Г. Васильевой: «Вы смотрите на явления через очки поэзии и поэтизируете их; я натура прозаическая» [11. С. 60], Потанин имеет в виду, судя по всему, «прозу жизни», а не прозу как художественный дискурс. Вопреки этому заявлению, можно, пользуясь фразеологией самого Потанина, с полным правом сказать, что он «смотрел на явления» «через очки» литературы.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что релевантность положения о литературоцентричности отечественной культуры XIX столетия для культуры Сибири, безусловно, не означает, что каждый вышедший из-под пера сибирских литераторов (в нашем случае – мемуаристов) текст содержал в себе это качество. Так, скажем, принадлежавший к тому же поколению, что и Потанин, М.В. Загоскин (1830–1904) в своем мемуарном очерке «Десять лет в сибирской деревне»¹⁹ рассказывает о «проверке счетов и книг» в деревне Грановщина, в которой он поселился, и сообщает, в частности, что «за мертвыми записаны недоимки в те года, когда их уже давно не было в живых <...>» [24. С. 250]. Процитированный фрагмент, казалось бы, автоматически и почти безальтернативно (особенно если учесть литературные занятия автора очерка) провоцирует сравнение реалий сибирской деревни с фабулой гоголевских «Мертвых душ», однако Загоскин, в отличие от Потанина, никак не использует столь мощный символический ресурс. Этот пример лишний раз показывает, что тезис о литературоцентричности русской культуры XIX в., который Г.С. Морсон характеризует как «трюизм» [25. Р. 15], всякий раз нуждается в конкретизации.

Примечания

¹ Ср. известное замечание Ю.М. Лотмана, согласно которому «[т]радиционное место церкви как хранителя истины заняла в русской культуре второй половины XVIII в. литература» [2. С. 205].

² Здесь необходимо сделать две оговорки. С одной стороны, доминирование литературы как основного источника поведенческих моделей выходит за пределы XIX в., частично охватывая XVIII и XX столетия. Как показал Ю.М. Лотман, «[в] последнюю треть XVIII в. <...> основным источником сюжетов поведения была высокая литература небытового плана: античные историки, трагедии классицизма, в отдельных случаях – жития святых» [4. С. 247]. Говоря о XX в., достаточно указать на целый kaleidoscope жизнестроительных практик, вдохновленных литературными образцами, – от модернистских проектов до проектов позднесоветского андеграунда.

³ Подробнее об истории создания потанинских мемуаров см.: [7], ср.: [8].

⁴ «Возлагание надежды на мою готовность служить Вам очень приятно на меня действует. Готов служить Вам всеми силами своей души. “Я здесь, Инезилья, с гитарой и шпагой стою под окном!”» (28 января 1901 г.) [11. С. 14].

⁵ «Одаренная Ваша натура сама найдет новый ход под новыми восприятиями, а я буду вознагражден тем наслаждением, которое буду испытывать, наблюдая видоизменения Вашего творчества, Вашей поэтической физиономии, “ряд волшебных изменений милого лица”» (19 марта 1901 г.) [11. С. 22].

⁶ «<...> прежде всего хочется сказать об удовольствии, с которым я прочел Ваше разрешение называть Вас Маней. Как это хорошо, как мне приятно было официальное признание за мной этого права. Как чиновник, получивший “Анну”, любителю на себя и самодовольно говорит: Ай да и я, добился-таки Анны! Так и я в восторге, то добился “милой Мани”» (11 февраля 1905 г.) [11. С. 111].

⁷ «“Одежды теплым дышат ароматом” переводит русский переводчик из Шелли, который это говорит о любимой им женщине. Совершенно то же я говорю себе о Вас. Я хотел бы непрерывно сидеть в этой ароматической бане около Вас» (25 марта 1905 г.) [11. С. 123].

⁸ «У Гейне есть стихотворение, которое, конечно, Вы знаете. (Чернышевский называет его гуманным.) В город входит гусарский полк и располагается на квартиры, и подруга Гейне увлекается новыми лицами и забывает старого друга. Но полк уходит, сияющее солнце, дворники выметаю из конюшен навоз от гусарских лошадей, и Гейне идет к своей подруге с букетом цветов. Слава Богу, и мой эпизод кончился, и кончился для меня благоприятно!» (2 ноября 1909 г.) [11. С. 213].

⁹ Не исключено, что отмеченный мемуаристом контраст генетически восходит к коллизии, на которой основан рассказ Л.Н. Толстого «После бала», опубликованный в 1911 г. [13. С. 551], в период создания потанинских «Воспоминаний». Если такое предположение, подтверждаемое другими содержащимися в этой книге Потанина «толстовскими» аллюзиями, верно, то эта деталь делает литературоцентричность обсуждаемого фрагмента еще более насыщенной и многослойной. Об отношении Потанина к автору «После бала» см.: [14]. О хранящихся в библиотеке Потанина сочинениях Толстого см.: [15]. В то же время возникающая в потанинских мемуарах тема телесных наказаний име-

ет и другой источник, который представляется несомненным. Это – «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского, которые, как хорошо известно, стали парадигмальными для «старших» областников сочинением.

¹⁰ Ср. косвенное признание в том, что Потанин «воспитал свои общественные чувства на произведениях английского писателя Диккенса» и характеристику Диккенса как «[о]дн[ого] из <...> учителей», которые в состоянии «отучи[ть] людей от звериных мыслей и звериных поступков» [10. С. 303] в написанной областником за год до смерти брошюре «Возрождение России и Министерство народного просвещения» (1919).

¹¹ Кроме того, в этой гостиной, по словам Потанина, «с жадностью глотали переводы из Гейне и декламировали его стихотворения; у журнала “Современник” было обыкновение в январской книжке на обложке печатать о литературных новинках, которые будут помещены в грядущем году, и сердца в доме Капустиных замирали от ожидания и вопроса: что-то расскажет в своей новой повести Тургенев?» [9. Т. 6. С. 82].

¹² Их анализ выполнен А.И. Рейтблатом, который основывался на данных всех каталогов (общее число – 31), имеющихся в Российской государственной библиотеке. Подробнее см.: [16. С. 66].

¹³ Этот социологический «замер» также был осуществлен А.И. Рейтблатом, модернизовавшим методику шведского социолога литературы К.Э. Розенгрена, исходившего, по словам Рейтבלата, из того, что «известность писателя можно измерить числом упоминаний его в текстах, непосредственно не посвященных его жизни и творчеству» [16. С. 81–82].

¹⁴ Чтобы прояснить другие содержащиеся в процитированном фрагменте тропы, приведем одно из предшествовавших ему пространств рассуждений Потанина: «Как в живописи, так и в литературе и, наконец, в самой действительности жизнь всего ярче рисуется чертами разрушения. Когда вы видите, что по тротуару проходит человек, несущий в починку связку дырчатых соломенных шляп или корзину сапогов со стоптанными каблуками и проношенными подошвами, вы не печалитесь, что на свете все изнашивается, рвется и трухнет, а думаете, что эти изношенные шляпы и подошвы свидетельствуют только о том, что человечество живет <...>» [9. Т. 6. С. 125].

Вполне вероятно, что этот эпизод восходит одновременно к «Запискам из Мертвого дома» Достоевского.

¹⁶ Об идеологической платформе сибирских областников см. прежде всего: [18. С. 143–192; 19. С. 172–223; 20–22].

¹⁷ Вспомним, что несколькими десятилетиями ранее в программной для «старших» областников статье «Роман и рассказ в Сибири» (1876) Потанин упрекает И.В. Федорова-Омулевского и И.А. Кушевского в том, что они «писали не для сибирской публики, а для русской вообще» [9. Т. 7. С. 228].

¹⁸ Специально и литературно-критических взглядах позднего Потанина и их рецепции его последователями см.: [18. С. 169–172].

¹⁹ Впервые очерк был опубликован в первом выпуске «Сибирского сборника» за 1890 г.

Список источников

1. Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М. : Новое литературное обозрение, 2000. 342 с.
2. Лотман Ю.М. Архаисты-просветители // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб. : Искусство-СПб, 1997. С. 198–210.
3. Журавлева А.И. Новое мифотворчество и конец литературоцентризма // Журавлева А.И. Кое-что из былого и дум: О русской литературе XIX века. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2013. С. 253–261.
4. Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб. : Искусство-СПб, 2002. С. 233–254.
5. Зорин А.Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.
6. Шахадат Ш. Искусство жизни: Жизнь как предмет эстетического отношения в русской культуре XVI–XX веков / пер. с нем. А.И. Же-ребина. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 440 с.
7. Яновский Н. О «Воспоминаниях» Г.Н. Потанина // Литературное наследство Сибири. Т. 6. Новосибирск : Западно-Сибирское книжное издательство, 1983. С. 7–21.
8. Яновский Н. О «Воспоминаниях» Г.Н. Потанина // Яновский Н. Писатели Сибири: Избранные статьи. М. : Современник, 1988. С. 61–85.
9. Литературное наследство Сибири : в 8 т. Новосибирск : Западно-Сибирское книжное издательство, 1969–1988.
10. Потанин Г.Н. Возрождение России и Министерство народного просвещения / публ. и коммент. К.В. Анисимова // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. Сер. Философия. Культурология. Филология. С. 300–307.
11. Потанин Г.Н., Васильева М.Г. «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью»: Переписка / сост. Н.В. Васенькин, Г.И. Колосова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 418 с.
12. Зорин А. Понятие «литературного переживания» и конструкция психологического протонарратива // История и повествование: Сборник статей / под ред. Г.В. Обатнина и П. Песонена. М. : Новое литературное обозрение, 2006. С. 12–27.
13. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. : ГИХЛ, 1928–1958. Т. 34.
14. Серебренников Н.В. Г.Н. Потанин и Л.Н. Толстой // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 65–66.
15. Никонова Н.Е., Масяйкина Е.В. Художественная литература в личной библиотеке Г.Н. Потанина: на материале сочинений Л.Н. Толстого // Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. № 17. С. 63–72.
16. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века // Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М. : Новое литературное обозрение, 2009. С. 11–248.
17. Гоголь Н.В. Собр. соч. : в 7 т. М. : Художественная литература, 1976–1979.
18. Чмыхало Б.А. Молодая Сибирь: Регионализм в истории русской литературы. Красноярск : КГПИ, 1992. 200 с.
19. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 304 с.
20. Анисимов К.В. Риторика раннего сибирского областничества: Франция как автоописательный концепт // Сибирско-французский диалог XVII–XIX веков и литературное освоение Сибири. Материалы Международного научного семинара / под ред. Е.Е. Дмитриевой, О.Б. Лебедевой, А.Ф. Строева. М. : ИМЛИ, 2016. С. 106–117.
21. Ремнев А.В. Западные истоки сибирского областничества // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли : сб. ст. / ред.: Ю. Шеррер, Б. Ананьич. СПб. : Европейский дом, 1997. С. 142–156.
22. Ремнев А.В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития. 2011. № 3 (62). С. 109–128.
23. Серебренников Н.В. О ситуации в областниковедении // Сибирский текст в русской культуре : сб. ст. Вып. 2 / под ред. А.П. Казаркина, Н.В. Серебренникова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 86–94.
24. Загоскин М. Десять лет в сибирской деревне // Загоскин М. Магистр: Роман. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1981. С. 245–275.
25. Morson G.S. Introduction: Literary History and the Russian Experience // Literature and History: Theoretical Problems and Russian Case Studies / ed. by G.S. Morson. Stanford, California : Stanford University Press, 1986. P. 1–30.

References

1. Berg, M. (2000) *Literaturokratiya. Problema prisvoeniya i pereraspredeleniya vlasti v literature* [Literaturocracy. The problem of appropriation and redistribution of power in literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

2. Lotman, Yu.M. (1997) *O russkoy literature* [About Russian Literature]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB. pp. 198–210.
3. Zhuravleva, A.I. (2013) *Koe-cto iz bylogo i dum: O russkoy literature XIX veka* [Something from the Past and Thoughts: About Russian Literature of the 19th century]. Moscow: Moscow State University. pp. 253–261.
4. Lotman, Yu.M. (2002) *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [History and Typology of Russian Culture]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB. pp. 233–254.
5. Zorin, A.L. (2016) *Poyavlenie geroya: Iz istorii russkoy emotsional'noy kul'tury kontsa XVIII – nachala XIX veka* [The Appearance of a Hero: From the history of Russian emotional culture of the late 18th – early 19th century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Schahadat, Sch. (2017) *Iskusstvo zhizni: Zhizn' kak predmet esteticheskogo otnosheniya v russkoy kul'ture XVI–XX vekov* [The Art of Life: Life as an object of aesthetic attitude in Russian culture of the 16th – early 20th centuries]. Translated from German by A.I. Zhrebina. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. Yanovskiy, N.N. (1983) O “Vospominaniyakh” G.N. Potanina [About the Memoirs of G.N. Potanin]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 6. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. pp. 7–21.
8. Yanovskiy, N.N. (1988) *Pisateli Sibiri: Izbrannye stat'i* [Writers of Siberia: Selected articles]. Moscow: Sovremennik. pp. 61–85.
9. Yanovskiy, N.N. (ed.) (1969–1988) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
10. Potanin, G.N. (2004) Revival of Russia and the Ministry of public education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 282. pp. 300–307. (In Russian).
11. Potanin, G.N. & Vasil'eva, M.G. (2004) “Mne khochetsya sluzhit' Vam, odet' Vas svoey lyubov'yu”: *Perepiska* [“I want to serve you, to clothe you with my love”: Correspondence]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Zorin, A. (2006) Ponyatie “literaturnogo perezhivaniya” i konstruktivnaya psikhologicheskaya protonarrativ [The concept of “literary experience” and the construction of a psychological protonarrative]. In: Obatnin, G.V. & Pesonen, P. (eds) *Istoriya i povestvovanie* [History and Narration]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 12–27.
13. Tolstoy, L.N. (1928–1958) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 34. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura.
14. Serebrennikov, N.V. (2011) G.N. Potanin and L.N. Tolstoy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (14). pp. 65–66. (In Russian).
15. Nikonova, N.E. & Masayakina, E.V. (2018) General fiction in the personal library of G. N. Potanin: on the material of Leo Tolstoy's works. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 17. pp. 63–72. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/17/5
16. Reytblat, A.I. (2009) *Ot Bova k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont and Other Works on the Historical Sociology of Russian Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 11–248.
17. Gogol', N.V. (1976–1979) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
18. Chmykhalo, B.A. (1992) *Molodaya Sibir': Regionalizm v istorii russkoy literatury* [Young Siberia: Regionalism in the History of Russian Literature]. Krasnoyarsk: KGPI.
19. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX veka: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of Poetics of Literature of Siberia of the 19th – Early 20th Centuries: Features of formation and development of regional literary tradition]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Anisimov, K.V. (2016) [Rhetoric of early Siberian regionalism: France as an auto-descriptive concept]. *Sibirsko-frantsuzskiy dialog XVII–XIX vekov i literaturnoe osvoenie Sibiri*. [Siberian-French Dialogue of the 17th–19th Centuries and Literary Development of Siberia]. Proceedings of the International Seminar. Tomsk. 11–15 June 2015. Moscow: IWL RAS. pp. 106–117. (In Russian).
21. Remnev, A.V. (1997) Zapadnye istoki sibirskogo oblastnichestva [The Western origins of Siberian oblastnichestvo]. In: Sherrer, Yu. & Anan'ich, B. (eds) *Russkaya emigratsiya do 1917 goda – laboratoriya liberal'noy i revolyutsionnoy mysli* [Russian Emigration Before 1917 – Laboratory of Liberal and Revolutionary Thought]. Saint Petersburg: Evropeyskiy dom. pp. 142–156.
22. Remnev, A.V. (2011) Natsional'nost' “sibiryak”: regional'naya identichnost' i istoricheskiy konstruktivizm XIX v. [Nationality “Siberian”: regional identity and historical constructivism of the 19th century]. *Politiya*. 3 (62). pp. 109–128.
23. Serebrennikov, N.V. (2007) O situatsii v oblastnikovedenii [About the situation in regional studies]. In: Kazarkin, A.P. & Serebrennikov, N.V. (eds) *Sibirskiy tekst v russkoy kul'ture* [Siberian Text in Russian Culture]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 86–94.
24. Zagoskin, M. (1981) *Magistr: Roman* [Magister: A Novel]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. pp. 245–275.
25. Morson, G.S. (ed.) (1986) *Literature and History: Theoretical Problems and Russian Case Studies*. Stanford, California: Stanford University Press. pp. 1–30.

Информация об авторе:

Горбенко А.Ю. – канд. филол. наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Красноярск, Россия); научный сотрудник лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: al_gorbenko@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.Yu. Gorbenko, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russian Federation); researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: al_gorbenko@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2021;
одобрена после рецензирования 26.01.2022; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 28.10.2021;
approved after reviewing 26.01.2022; accepted for publication 29.04.2022.